

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Чтение — это процесс, требующий труда. Ведь нужно воссоздать в собственном сознании образ прочитанного. Для современного человека, привыкшего получать готовые образы из телевизора, компьютера или гаджетов, это трудная работа, ведь воображение у него не слишком развито.

Произведения, включённые в хрестоматию, предназначены не только для отработки навыка чтения. Они помогают юному читателю лучше познать окружающий нас мир; научиться правильно себя вести, анализировать чужие поступки и делать логические выводы; понять красоту природы; стать патриотом своей Родины. Но всё это произойдёт лишь в том случае, если ребёнку нравится читать и он получает от этого большое удовольствие. Значит, главная цель взрослых — научить школьников любить книгу.

Как помочь ребёнку полюбить чтение:

- Покажите на своём примере, что книга — это увлекательный мир, а чтение — интересный и полезный досуг.
- Устраивайте семейные чтения вслух и привлекайте к этому ребёнка. Важно, чтобы он понял, что чтение — это процесс, от которого можно получить удовольствие.
- Беседуйте с ребёнком по поводу прочитанного, побуждайте его обсуждать, делать выводы, анализировать.

- Предложите ребёнку проиллюстрировать понравившуюся сказку или рассказ. Это будет способствовать развитию воображения и привлечёт дополнительное внимание к какому-то эпизоду и книге в целом.
- Читайте произведение одновременно с ребёнком. Делитесь своими впечатлениями, объясняйте трудные места или незнакомые слова. Вы и сами получите удовольствие и сблизитесь со своим ребёнком.
- Никогда не используйте книгу в качестве наказания. И не заставляйте читать насильно. Это привьёт только отвращение к книге. Чтение должно ассоциироваться с удовольствием.

В нашей хрестоматии собраны лучшие произведения устного народного творчества, сказки русских и зарубежных писателей, стихотворения и проза отечественных классиков.

Перед чтением произведений ребёнок может ознакомиться с краткой биографией поэта или писателя, узнать, в какой семье он родился, какое образование получил, когда написал первые произведения и почему стал известным. А в конце разделов вы найдёте вопросы для беседы с ребёнком и задания. Таким образом хрестоматия поможет привить школьнику интерес к чтению, будет способствовать формированию и закреплению навыков работы с текстом, литературному и творческому развитию ребёнка.

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА

ПРОЗА

Сергей Алексеевич БАРУЗДИН

(1926—1991)

Русский поэт и прозаик Сергей Алексеевич Баруздин родился 22 июля 1926 года в Москве. В 1938 году опубликовал первые рассказы в детском журнале «Пионер». Принимал участие в Великой Отечественной войне. Долгое время был главным редактором журнала «Дружба народов». Умер 4 марта 1991 года. Похоронен на Введенском кладбище. Награждён орденом «Знак Почёта» и медалями.

ПЕТРУШКА

— Вы сегодня петрушку на огороде не рвали? — спросила мать.

— Петрушку?

Удивились Человеки. Морковь они не раз рвали. Это верно. Вкусна свежая морковка! Лук зелёный рвали. С солью да чёрным хлебом — одно объединение! А петрушка? Она только для супа годится, а так кто её есть станет!

— Не рвали, — сказали Человеки.

На следующий день опять про петрушку разговор зашёл.

— Вы петрушку на огороде и сегодня не рвали? — спросила мать.

— Не рвали.

И так три дня подряд. Наконец отец не выдержал.

— Пойду, — говорит, — проверю, кто нашей петрушкой балуется.

Взял карманный фонарик, пошёл на огород. Долго отца не было. Мать успела Человеков в постель загнать, в комнате прибрать, печь вычистить.

— А папа чего не идёт? — робко спросили Человеки из своего закутка.

— И верно, долго чего-то, — согласилась мать.

Только сказала, как отец входит.

— Что это? — вскрикнула мать.

— Что? Что это у тебя? — Человеки с постели повскакали.

— Вот она, ваша петрушка!

В одной руке отец держал за уши большую серовато-бурую зайчиху, в другой — крохотного зайчонка.

— Беда, — сказал отец. — Зайчиха-то слепая. Видно, и на огород забрела сослепу, родила сынишку, а уйти назад не смогла...

— А сынишка? — завопили Человеки.

— Этот зрячий, — сказал отец. — Боевой парень, хоть и три дня ему от роду, не больше. Еле поймал!

Пустил отец зайчиху и зайчишку на пол.

Зайчиха фыркнула носом, посмотрела незрячими глазами и, оттолкнувшись задними ногами, побрела под стол. Ударилась носом в ножку — и в сторону, к печке. У печки замерла — дрожит.

А зайчишка посмотрел на необычную обстановку, перепугался и быстро-быстро под лавку забился. Сидит — тоже дрожит.

— Никак не пойму, — сказала мать, — при чём тут петрушка? Ну, капусту они ели бы — понимаю, морковь...

— Петрушка — самое их любимое лакомство! — объяснил отец. — Может, из-за этой петрушки они и попались.

С этого дня так и поселились новые жильцы в доме Прохоровых. Слепая зайчиха охотно ела, пила, даже по комнате изредка передвигалась, но всего пугалась и к зайчонку не подходила. И он не подходил к матери.

Зато, когда появлялись Человеки, зайчонок сам бежал к ним, охотно давался в руки, барабанил передними лапами и издавал какие-то звуки, вроде хриплого ворчания.

— Ешь, ешь! — говорили Человеки и совали ему в рот молочную бутылку с соской на конце. — Ешь, Петрушка! Лопай, Петрушечка!

Петрушка и по сей день живёт у Человеков. Петрушка, кажется, доволен. Человеки тоже довольны.

ЧЕЛОВЕКИ

Мать собралась топить печь.

— А ну-ка, Человеки, быстро за дровами! — сказал отец. — И лучинки не забудьте прихватить. Для растопки.

— Знаем! Сами стругали! — сказали Человеки.

Сорвались Человеки с места, побежали в сарай.

Когда у вас четыре руки и четыре ноги, любое дело быстро делается. Минуты не прошло, как Челобеки в избу вернулись, две охапки дров принесли и лучину.

— Вот и хорошо, — сказала мать. — Скоро, Челобеки, ужинать будем.

Пока то да сё, сели Челобеки радио слушать. А ведь у них не только четыре руки и четыре ноги. Ещё четыре уха.

И ещё два курносых носа, четыре серых глаза, два рта, а на двух круглых, как подсолнухи в поле, мордах много-много веснушек. Только веснушек никто у них не считал...

В общем, всё у Челобеков было поровну, и лет — всего четырнадцать: по семь на брата!

Всё, да не всё!

Фамилия у Челобеков одна: Прохоровы. Её никак поровну не поделишь.

— Челобеки! — звал их отец.

И мать звала их:

— Челобеки!

Но всё-таки дома как-то разбирались, кто из них кто. Кто — Ваня, а кто — Саня. Зато в деревне никто не разбирался.

— Как жизнь, Ваня? — спросят.

— Жизнь ничего! Только я не Ваня, а Саня, — отвечает Саня.

— Здравствуй, Саня! Как дела идут? — поинтересуются.

— Дела идут! Но я Ваня, а не Саня, — скажет Ваня.

Надоело людям путаться, впросак попадать. Стали говорить проще:

- Привет!
- Как жизнь, ребятки?
- Что нового, подрастающее поколение?
- Здравия желаю, Вани-Сани!

КРАСНЫЕ УШИ

Пошли Человеки играть в футбол.

Ваня — команда. И Саня — команда. Каждый — и вратарь, и защитник, и нападающий, и даже судья.

Два часа играли. Голов забили видимо-невидимо.

Но вот мяч полетел к соседке Дарье Павловне. Прямо в окно.

Зазвенело, вылетело стекло. За ним и Дарья Павловна выбежала на улицу:

— Кто из вас окно разбил?

Молчали Человеки.

— Это не я! Это он! — наконец сказал Ваня.

Тут уже Саня не выдержал:

— Вовсе и не я, а он!

— Кто из вас он, а кто не он, не поймёшь! — бушевала Дарья Павловна. — И надо ж такими одинаковыми уродиться!

А Человекам только этого и надо было. Побежали они домой. Вечером пришёл с работы отец:

— Кто из вас окно разбил у Дарьи Павловны?

И откуда только он узнал?!

Человеки заскучали.

— Так кто? — повторил отец. Показал на Ваню: — Вижу, ты!

— Почему я? — возмущился Ваня.

— Потому что у тебя уши покраснели, — сказал отец.

— У него тоже красные, — не согласился Ваня. — Посмотри, папа, внимательно.

А у Сани, и верно, тоже уши покраснели.

— Ну ладно, Человеки, — сказал отец. — Спорить не буду! Наказывать тоже! А вот стекло взамен разбитого пошли-ка вставлять вместе!

Ничего не поделаешь. Пошли.

Отец стекло Дарье Павловне вставил, а Человеки замазкой стекло замазали. Получилось! Не хуже старого, разбитого!

Дарья Павловна хлопотала вокруг и всё радовалась:

— Вот уж спасибо вам, родные! Не оставили в беде — выручили! Премного вам благодарна!

КАК АЛЁШКЕ УЧИТЬСЯ НАДОЕЛО

I

Исполнилось Алёшке семь лет. Пошёл он в школу, чтоб научиться читать и писать как следует. Школьный год ещё не кончился, зима только-только в осенних днях стала проглядываться, а Алёшка уже и читать, и писать, и даже считать умеет. Книжку может прочесть, если она крупными буквами напечатана, слова на бумаге написать, цифры сложить.

Сидел он раз на уроке, в окно смотрел, а солнце прямо Алёшке в лицо светило. На солнце Алёшка всегда курносый: он сморщился, и нос у него стал, как китайское яблочко.

И вдруг Алёшка почувствовал, что ему надоело учиться. Читать и писать он умеет, считать — тоже, да и цифры складывать, что же ещё!

Алёшка поднялся с парты, портфель взял и пошёл к выходу.

— Ты куда? — спросила учительница.

— Домой! — ответил Алёшка. — До свидания!

И ушёл.

II

Домой пришёл и говорит матери:

— Я больше в школу не пойду!

— А что же ты будешь делать?

— Как что? Ну... работать буду.

— Кем же?

— Кем? Ну, как ты, например...

А мать у Алёшки врачом работала.

— Ладно, — согласилась мать. — Вот тогда тебе небольшое поручение. Выпиши лекарство больному, у которого грипп.

И мать дала Алёшке маленький листок бумаги, на котором рецепты пишут.

— А как его писать? Какое лекарство нужно? — поинтересовался Алёшка.

— Писать латинскими буквами, — объяснила мать. — А какое лекарство, ты сам должен знать. Ты же — врач!

Алёшка посидел над листком бумаги, подумал и сказал:

— Мне эта работа что-то не очень нравится. Я лучше так, как папа, работать буду.

— Что ж, давай, как папа! — согласилась мама.

III

Вернулся домой отец. Алёшка — к нему.

— Я больше в школу не пойду, — говорит.

— А что же ты будешь делать? — спросил отец.

— Работать буду.

— Кем же?

— Как ты, — сказал Алёшка.

А отец у Алёшки мастером работал на том самом заводе, где «Москвичи» делают.

— Очень хорошо, — согласился отец. — Давай работать вместе. Начнём с самого лёгкого.

Достал он большой лист бумаги, свёрнутый в трубку, развернул и сказал:

— Вот перед тобой чертёж новой машины. В нём есть ошибки. Посмотри какие и мне скажи!

Алёшка посмотрел на чертёж, а это не машина, а что-то совсем непонятное: линии сходятся и расходятся, стрелки, цифры. Ничего здесь не разберёшь!

— Я это не умею! — признался Алёшка.

— Тогда я сам поработаю, — сказал отец, — а ты пока отдохни!

Отец склонился над чертежом, лицо его сделалось задумчивым, серьёзным.

— Папа! А почему у тебя на лице ёлочки? — спросил Алёшка.

— Это не ёлочки, а, наверное, морщинки, — сказал отец.

— А почему они?

— Почему? Потому, что учился я много, работаю много, — сказал отец. — Это только у бездельников кожа гладкая.

Алёшка подумал-подумал и говорит:

— Пожалуй, я завтра опять в школу пойду.

Аркадий Петрович ГАЙДАР

(1904—1941)

Аркадий Гайдар (настоящая фамилия — Голиков) родился в городе Льгове Курской губернии. Его отец был учителем. Мама приходилась дальней родственницей М. Ю. Лермонтову. Детские годы прошли в Арзамасе.

В годы Первой мировой войны, когда отца забрали на фронт, Аркадий пытался уйти за ним, но был пойман и возвращён домой. В годы Гражданской войны с 14 лет служил в Красной армии. В 15 лет командовал взводом, а в 16 лет — ротой, после окончания Высшей стрелковой школы в 1921 году стал командиром полка.

В декабре 1924 году Гайдар ушёл из армии по болезни (после ранения и контузии). Начал писать. С этого времени он стал известным как детский писатель, прославляющий боевое товарищество, дружбу и честность.

СОВЕСТЬ

Нина Карнаухова не приготовила урока по алгебре и решила не идти в школу.

Но, чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на неё добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложенной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чём дело, и решила над ним подшутить.

— Несчастный прогульщик! — строго сказала она. — И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

— Нет! — удивлённо ответил малыш. — Я просто шёл на урок. Но тут в лесу ходит большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что поднять их перед малышом теперь было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над её головой весёлые птицы. И очень тяжело было на её сердце, которое грызла беспощадная совесть.

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щёки его через губы пролёг кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что ещё хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штанины, а по красным щекам текли слёзы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! — это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку.

И вот он прочёл такую надпись:

КТО СНЕСЁТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ
И ТАМ РАЗОБЬЁТ ЕГО НА ЧАСТИ,
ТОТ ВЕРНЁТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ
И НАЧНЁТ ЖИТЬ СНАЧАЛА

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из перво-

го класса перескакивать сразу в третий — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нёс ведро извёстки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчишкой добрым, подумал: «Вот идёт человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжко».

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придёт туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решил. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

«Вот! — думал он. — Теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнёт жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это — когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофёр подвёз его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это — когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит», — великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивлённый Ивашка. — Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка, — отвечал старик, — я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, — говорил старик Ивашке. — А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, — но это тогда, когда мы — ещё неумело — валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, — но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, — но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сей-

час, — могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка. — Но раз так, — то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте?

— Пусть лежит на виду, — сказал старик, — и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была беспокойна совесть, плохое настроение. «А что, — думаю, — дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

«Э-э! — думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. — Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошёл прочь — своей дорогой.

Максим ГОРЬКИЙ

(1868—1936)

Русский писатель Максим Горький (настоящие имя и фамилия Алексей Максимович Пешков) родился в 1868 году в семье столяра-краснодеревщика и мещанки. Детство писателя прошло в доме деда. Он обучал внука по церковным книгам, а бабушка пела народные песни и рассказывала сказки.

Рано потеряв отца, подростком работал грузчиком, пекарем. Побывал в Поволжье, на Дону, Украине, в Южной Бессарабии, Крыму, на Кавказе. Всё образование Горького — это ремесленное училище, в остальном жажду знаний он утолял самостоятельно, будучи практически во всём «самоучкой». Тяжёлая работа и ранние лишения преподали будущему писателю хорошее знание жизни и зарили мечту о переустройстве мира. Эту мечту он пытался воплотить в течение всей своей жизни — и своими поступками, и в своих произведениях.

После Октябрьской революции Горький активно участвовал в строительстве новой культуры: помогал организации Первого Рабоче-крестьянского университета, Большого драматического театра в Петербурге, создал издательство «Всемирная литература». В годы Гражданской войны, голода и разрухи проявлял заботу о русской интеллигенции, и многие учёные, писатели и художники были спасены им от голодной смерти.

В 1921 году Горький по настоянию Ленина уехал лечиться за границу (возобновился тубер-

кулёз). Сначала жил на курортах Германии и Чехословакии, затем переехал в Италию в Сорренто.

ВОРОБЬИШКО

У воробьёв совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всём говорят, как в книжках написано, а молодёжь — живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать — что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: «Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!»

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадёшь на землю, кошка — чик! и слопают! — объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер дунет на тебя — чирик! — и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, машет руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьяха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробыха за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробыха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз и — на окне!

Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что, что?

— Ну что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробыхины перья, смотрит на них — рыжая, зелёные глаза — и сожалительно мяукает:

— Мья-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит — не так, как у людей. Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, — запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, — соображает: «Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!»

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошёл в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй, ты, зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, — Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь ещё сильнее смеётся, так и катается по земле со смеху!

— Никогда такого глупого не видал! Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повёл его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живёт!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка набери малины лесной, — детишки проснутся, я их вкусеньким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к медведям и поёт во всё горло:

Эх, как неловки
Божии коровки!
То ли дело — муравьи
Или ящерицы!

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эхма, жаль, что я не Медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь, — да с ним жить нельзя, со смеху помрёшь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятишек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут — разговаривают по-приятельски.

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо их спросить. Мои — есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

Эх, вот так чудеса!
Жуки ловят зайца,
Под кустом сидит лиса,
Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяева из города воротились, видят: посреди избы кадушка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидали они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?

— А я почём знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас её принесут, — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли, со страху, в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

ГОРЯЩЕЕ СЕРДЦЕ

Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой — была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, — там стояли великаны деревьев, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём, в сером сумраке, и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям.

Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что од-

нажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали.

...И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один...

Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну!

Гей!.. Посмотрели на него и увидели, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повёл. Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди, между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, стирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека,

который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас. Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Веди!» — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его,

чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь.

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям. Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздымалась степь, блестела трава в бриллиантах дождя, и золотом

сверкала река. Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой. И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло.

Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ

Однажды маленький мальчик — Евсейка — очень хороший человек! — сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюёт. А день был жаркий, стал Евсейка со скуки дремать и — бултых! — свалился в воду.

Свалился, но ничего, не испугался и плывёт тихонько, а потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг — очень хорошо!

Ползёт, не торопясь, алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду

множество всяких любопытных штук: вот цветут, качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, и над её тяжёлым щитом играют две маленькие зелёные рыбёшки, совсем как бабочки в воздухе, и вот по белым камням везёт свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стих вспомнил:

«Дом — не тележка у дядюшки Якова...»

И вдруг слышит, над головою у него точно кларнет запищал:

— Вы кто такой?

Смотрит — над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно её уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

— Это вы говорите? — спросил Евсейка.

— Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

— Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает: «Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбёшка и — смеётся, разговаривает:

— Глядите-ко! Вот чудище приплыло: два хвоста!

— Чешуи — нет, фи!

— И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплывают прямо к носу и дразнятся:

— Хорош, хорош!

Евсейка обиделся:

— Вот нахалки! Будто не понимают, что перед ними настоящий человек...

И хочет поймать их, а они, уплывая из-под рук, резвятся, толкают друг друга носами в бок и поют хором, дразня большого рака:

Под камнями рак живёт,
Рыбий хвостик рак жуёт,
Рыбий хвостик очень сух,
Рак не знает вкуса мух.

А он, свирепо шевеля усами, ворчит, вытягивая клешни:

— Попадитесь-ка мне, я вам отстригу языки-то! «Серьёзный какой», — подумал Евсейка. Большая же рыба пристаёт к нему:

— Откуда это вы взяли, что все рыбы — немые?

— Папа сказал.

— Что такое — папа?

— Так себе... Вроде меня, только — побольше и усы у него. Если не сердится, то очень милый...

— А он рыбу ест?

Тут Евсейка испугался: скажи-ка ей, что ест!

Поднял глаза вверх, видит сквозь воду мутно-зелёное небо и солнце в нём, жёлтое, как медный поднос; подумал мальчик и сказал неправду:

— Нет, он не ест рыбы, костлявая очень...

— Однако — какое невежество! — обиженно вскричала рыба. — Не все же мы костлявые! Например — моё семейство...

«Надо переменить разговор», — сообразил Евсей и вежливо спрашивает:

— Вы бывали у нас наверху?

— Очень нужно! — сердито фыркнула рыба. — Там дышать нечем...

— Зато — мухи какие...

Рыба оплыла вокруг него, остановилась прямо против носа, да вдруг и говорит:

— Му-хи? А вы зачем сюда приплыли?

«Ну, начинается! — подумал Евсейка. — Съест она меня, дура!..» И, будто бы беззаботно, ответил:

— Так себе, гуляю...

— Гм! — снова фыркнула рыба. — А может быть, вы — уже утопленник?

— Вот ещё! — обиженно крикнул мальчик. — Нисколько даже! Я вот сейчас встану и...

Попробовал встать, а — не может: точно его тяжёлым одеялом окутали — ни поворотиться, ни пошевелиться!

«Сейчас я начну плакать», — подумал он, но тотчас же сообразил, что плачь не плачь, в воде слёз не видно, и решил, что не стоит плакать, — может быть, как-нибудь иначе удастся вывернуться из этой неприятной истории.

А вокруг — Господи! — собралось разных морских жителей — числа нет! На ногу взбирается голотурия, похожая на плохо нарисованного поросёнка, и шипит:

— Желаю с вами познакомиться поближе...

Дрожит перед носом морской пузырь, дуется, пыхтит, — укоряет Евсейку:

— Хорош! хорош! Ни рак, ни рыба, ни моллюск, ай-я-яй!

— Погодите, я, может, ещё авиатором буду, — говорит ему Евсей, а на колени его влез

лангуст и, ворочая глазами на ниточках, вежливо спрашивает:

— Позвольте узнать, который час?

Проплыла мимо сепия, совсем как мокрый носовой платок; везде мелькают сифонофоры, точно стеклянные шарики, одно ухо щекощет креветка, другое — тоже щупает кто-то любопытный, даже по голове путешествуют маленькие рачки, — запутались в волосах и дёргают их.

— Ой, ой, ой! — воскликнул про себя Евсейка, стараясь смотреть на всё беззаботно и ласково, как папа, когда он виноват, а мама сердится на него.

А вокруг в воде повисли рыбы — множество! — поводят тихонько плавниками и, вытаращив на мальчика круглые глаза, скучные, как алгебра, бормочут:

Как он может жить на свете
без усов и чешуи?
Мы бы, рыбы, не могли бы
раздвоить хвосты свои!
Не похож он ни на рака, ни на нас —
весьма во многом.
Не родня ли это чудо безобразным
осьминогам?

«Дуры! — обиженно думает Евсейка. — У меня по русскому языку в прошлом году две четвёрки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, но — оказалось — нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

— Нравится вам у нас?

— Нет... то есть — да, нравится!.. У меня дома тоже очень хорошо! — ответил Евсей и снова испугался: «Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...» Но вслух говорит:

— Давайте как-нибудь играть, а то мне скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

— Это хорошо — поиграть! Это очень хорошо — поиграть!

— Поплывёмте наверх! — предложил Евсей.

— Зачем? — спросила рыба.

— А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху, — мухи.

— Мух-хи! Вы их любите?..

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

— Да...

— Ну что ж? Поплывём! — сказала рыба, перевернувшись головой вверх, а Евсей тотчас цап её за жабры и кричит:

— Я — готов!

— Стойте! Вы, чудище, слишком засунули свои лапы в жабры мне...

— Ничего!

— Как это — ничего? Порядочная рыба не может жить не дыша.

— Господи! — вскричал мальчик. — Ну что вы спорите всё? Играть так играть...

А сам думает: «Лишь бы она меня немножко подтащила наверх, а там уже я вынырну».

Поплыла рыба, будто танцует, и поёт во всю мочь:

Плавниками трепеща,
И зубаста, да тоща,
Пищи на обед ища,
Ходит щука вокруг леща!

Маленькие рыбёшки кружатся и хором орут:

Вот так штука!
Тщётно тщится щука
Ущемить леща!
Вот так это — штука!

Плыли-плыли, чем выше — тем всё быстрее и легче, и вдруг Евсейка почувствовал, что голова его выскочила на воздух:

— Ой!

Смотрит — ясный день, солнце играет на воде, зелёная вода заплёскивает на берег, шумит, поёт. Евсейкино удилище плавает в море, далеко от берега, а сам он сидит на том же камне, с которого свалился, и уже весь сухой!

— Ух, — сказал он, улыбаясь солнцу, — вот я и вынырнул!

Виктор Юзефович ДРАГУНСКИЙ

(1913—1972)

Замечательный детский писатель Виктор Драгунский родился в 1913 году в Нью-Йорке. Незадолго до Первой мировой войны семья вернулась на Родину и обосновалась в Гомеле, где и

прошло детство Драгунского. Ему рано пришлось повзрослеть и начать зарабатывать на жизнь. После школы он поступил учеником токаря на завод, однако очень быстро его уволили за трудовую провинность. После этого Драгунский устроился учеником шорника¹ на фабрику. Одновременно он поступил в «Литературно-театральные мастерские» под руководством А. Дикого учиться театральному мастерству. С этого момента начинается творческая жизнь — Драгунский играет в театре, работает клоуном в цирке и одновременно пишет свои первые юмористические рассказы.

В 1948 году Драгунский создаёт пародийный «театр в театре» — «Синяя птичка», где профессиональные актёры с удовольствием играли в весёлых пародийных спектаклях, имевших неизменный успех.

С 1959 года Виктор Юзефович начинает писать весёлые рассказы про Дениса Кораблёва под общим названием «Денискины рассказы». Именно они сделали Драгунского столь популярным. Вместе с Дениской и его смешным другом Мишкой мы смеёмся, переживаем и задумываемся иногда по весьма философским вопросам. Кстати, Дениской писатель назвал своего героя неспроста — так же зовут и сына Драгунского.

Как вспоминают знакомые писателя, у него было особое чутьё на мелочи. Он умел находить необыкновенные уголки Москвы, которые были совершенно неизвестны другим, знал, где

¹ Шорник — мастер, который делает ременную упряжь, конскую упряжную сбрую.

можно увидеть что-нибудь интересное и где можно купить самые вкусные булочки. Все наблюдения Драгунского отразились в Денискиных рассказах, в которых чутко передано не искажённое, детское восприятие мира — звуки, запахи, ощущения, увиденные и почувствованные словно впервые.

ДРУГ ДЕТСТВА

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара

и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную грушу — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей десять или пятьдесят.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нащёпкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не

груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — жёлтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг,

настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора. — Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

АНГЛИЧАНИН ПАВЛЯ

— Завтра первое сентября, — сказала мама. — И вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас «зарежем» арбуз!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нём соскучились.

— Ого, кто пришёл! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!